

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА

СКАЗАНИЕ О ДЕДЕ МОРОЗЕ

Р. Я. Бялякшин

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА

СКАЗАНИЕ О ДЕДЕ МОРОЗЕ

Художник — Дарья Шакялина

Издание Сретенского монастыря

Москва

2003

КШ-1384139

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Александра

Велика и могуча, обширна да прекрасна земля наша свято-русская. Прекрасна она городами многолюдными да церквями благолепными, обителями монашескими, реками широкими, полями привольными, святыми угодниками да мужами державными. Богата и обильна она лесами да рощами, зверями лесными, плодами земными. Красива она заповедными преданьями, устоями дедовскими, обычаями нерушимыми.

Кто не слышал о нашем русском Деде Морозе, что приходит потешить детей и весь честной люд православный в рождественские да новогодние дни? Кто не получал от него подарочка в детстве? А сколько ребятишек, девчонок да мальчишек, и нынче ждут его прихода к нарядной ёлке!

Все его ждут, все знают, привечают да с песней встречают. Однако не все ведают, откуда Мороз этот достославный явился, где уродился, как снарядился, как людям потом пригодился, чтобы всякий ему дивился.

Ой, и давно ж это было, так давно, что давностей этих почти и не упомянет никто. Где сейчас красуются города большие да могучие, там боры гудели дремучие, а в борах обитали звери да гады ползучие. Совсем немного городов было в ту пору на русской земле, пересчитать их можно было, как пальцы на руке.

Но уже основан был на берегу полноводной Сухоны славный город Великий Устюг, с церквями, монастырями да торговыми площадями. А по соседству от него раскинулось многолюдное село Морозовица.

И в селе том жил-поживал да добра наживал человек с певучим русским именем Иван.

Отец с матерью души в нём не чаяли, тешили да баловали, но и к молитве и труду приучали. Отец, бывало, спозаранку на пашню отправится – и сынишка за ним следом. Мать косу на плечо, да во луга траву косить – и Ванюшка не отстаёт. Дед раскладывает в кузнице свои инструменты замысловатые, а внучек уж тут как тут – меха раздувает.

С бабушкой Ваня в лес по грибы по ягоды ходил. Старался понимать речь зверей и птиц, слушал, о чем шелестят листья деревьев, о чём разговаривают меж собою цветы. И был для него лес как дом родной, все уголки заповедные он в нём знал, и иной раз столько всего наберёт, что туес с ягодами или пестерь с грибами еле тащит.

Еду Иван любил простую, крестьянскую: кисель овсяный да хлеб пеклеванный, пирог печёный да лук толчёный, картошку жареную да репу пареную. Рос он не по дням, а по часам, и силушка копилась в нём недюжинная, поигрывала по жилочкам, как в речке вешней.

Любое ремесло прямо ему в руки шло. Отроком он ещё был, а как начнёт работать, все им любят. Измлада умел Иван и за плугом ходить и бороной боронить, и косой махать и топором тесать, мог запросто и

печь сложить и избу срубить. Поведал дед внуку тайны кузнечные, и сковал себе Иван дубинку-самобойку, чтобы родимщину свою способнее было от недругов оборонять.

От священника приходского Иван грамоте обучился и к чтению книжному пристрастился. Читал жития святых, былины о витязях-богатырях, что на страже земли родной стояли, хотел подражать им.

Учился он старательно, прилежно. Ведь подобно тому, как пчела с цветов нектар собирает, так человек разумный из добрых книг пользу себе приобретает.

Вырос Иван добрый молодец на загляденье. Усердно посещал храм Божий, опекал состарившихся родителей. Поэтому благословил Господь все его начинания, дал ему жену красивую да урядливую. Хоть лён прясть, хоть пироги печь, а то и песню задушевную спеть — всё у ней выходило ладно да складно. Невдолге побежал по избе в лапоточках сынок синеглазенький, за ним другой, так и стало их семеро по лавкам.

Сила у Ивана была богатырская, никто супротив его ни в работе, ни в бою устоять не мог, а сердце имел он чистое, голубиное. Люди его уважали, и он им тем же отвечал.

И всё бы хорошо, да нагрянула беда нежданная-негаданная. Как-то отправился Иван с односельчанами на рыбный промысел к далёкому Ледовитому океан-морю. Льдины в том море — что горы матёрые, а в глубоких водах стадами бродят рыбы тучные, краснопёрые.

Долго ли коротко ли, близко ли далёко ли, наловили добытки рыбы богато и двинулись в обратный путь.

Возы рыбой, как сеном, доверху нагружены — радоваться бы, а на сердце у Ивана тревожно. Вот уж и Морозовица поблизости, а их никто не встречает, за лесом ни дымка не видно, ни петушиного крика не слышно, только надрывный вой собачий доносится.

Миновали лес и ахнули — села-то нет! Кругом развалины, только трубы печные торчат. Всё разграблено. Одна церковь с колокольной уцелела.

Выполз из землянки столетний дед Нефед.

— Что случилось? — кинулся к нему Иван. — Что стряслось?

— Ой, Ванюша, — запричитал дед, — нагрянула под Устюг Великий сила несметная, чужеземная. Город злодеи как есть дотла разорили, а сёла окрестные огнём по ветру пустили. Мужиков в бою переранили да насмерть посекали, а баб с детишками в полон увели. В лесу мало кто успел спрятаться.

Горе небывалое. Стоит Иван у пепелища, слёзы из глаз капаят, снег до земли прожигают. А жители, что в лесу попрятались, обступили его, умоляют вдогонку за врагами пуститься, выручить пленных.

И дед Нефед про то же твердит:

— Зимний день, Ванюша, короткий. Солнце скоро садиться начнёт, далеко за ночь супостаты убегут, следы свои окаянные надёжно заметут.

Да, своё горе велико, а общее ещё больше. Подхватил Иван дубинку-самобойку, кликнул дружину верную, вскочил в седло.

Настигли недругов вскоре. Открыто они идут, отместки не ждут. Песни распевают хмельные, разбойничьи.

Вихрем налетел на них Иван, никому спуска не дал. Дубинка-самобойка по стану вражьему ястребом летает, как долбанёт кого в лоб, так и дух вон. А Иван мечом-кладенцом орудует. Направо махнёт — улица, а налево — переулочек. Побил всех врагов до единого, освободил матерей и детей.

Воротились они в село, встречают их с ликованием, со звоном колокольным. Одному Ивану не весело: побили душегубы-нехристи всю семью его, жену-красавицу и детушек любимых.

Погоревал он, покручинился, да делать-то нечего, надо жить дальше. Срубил себе избу новую, кузницу краше прежней изладил.

Но с тех пор все заботы, все думы его только о детях малых. И раньше-то он чужих детей как своих любил, а теперь они все для него родными стали.

В будние дни и в праздники он отраду себе не в праздном безделье находил, не на печи лежать да баклуши бить, а чтобы с детьми вместе

быть. Катают детишки снежную бабу — Иван с ними, да такую здоровенную заворотит, выше себя ростом!

Строят парнишки снежную крепость — Иван заодно со всеми хлопчет, стены возводит, бойницы в них проделывает.

Началась баталия в снежки — он и тут первый заводи́ла: снежки лепит, что оладьи печёт, да всем их раздаёт.

Или залил он крутую гору ледяную — с утра до позднего вечера там смех детский слышен. Поодиночке на салазках скатываются или же соберутся дружной ватагой — и вниз стремглав понеслись.

А то бушевала целую неделю метель. Стихла она, выглянуло солнышко, и видят ребята: намело сугробы высоченные. Тогда придумал Иван новую забаву — с крыши сарая в сугробы сигать. Заберётся смельчак на верхотуру, руки растопырит, как крылья, хочет прыгнуть — а страшновато. Наконец решился, летит, сердечко у него в груди замирает, и вдруг — плюх в сугроб, как в перину пуховую!

И ребята Ивана любили. Только выйдет он на улицу, вся окрестная детвора с криком к нему бежит.

Встанет он, подбоченится, русую бороду поглаживает:

— Что, мальцы-удальцы, снегири-богатыри. А кто из вас меня поборет?

И начнётся потеха. Мальчишки налетят на него, облепят со всех сторон, карабкаются по спине, на рукавах виснут, а он ходит да посмеивается, носит всех на себе. А потом и поддастся, повалится на снег.

Тут и малышня сбежится, да такая куча-мала сделается — на загляденье! Все хохочут, кричат, лица у детей раскраснеются, разругаются.

Ох, хороша ты, русская зимушка-зима. Необъятны просторы северные! Недаром говорится: в зимний холод всякий молод. На морозе и старик вприпрыжку идёт. Как тут не припомнить стихи знакомые:

Здравствуй, гостя-зима!

Просим милости к нам

Песни севера петь

По лесам и степям.

Нам не стать привыкать, —

Пусть мороз твой трещит:

Наша русская кровь

На морозе горит!

Но сильнее всего ребята ждали, когда Рождество да Новый год настанут.

Запряжёт тогда Иван на Святках в большущие сани-розвальни тройку лихих коней, и айда, ребятня, кататься!

Мчит по Морозовице тройка, бубенцы-шаркуны гремят, поддужные колокольцы валдайские голосисто заливаются. Правит Иван санями, мчит с посвистом молодецким, только полозья на крутых поворотах снег режут.

— Ах вы, голубчики, сивые, буланные, постромки рваные! — кричит, смеясь, Иван, хотя вся упряжь у него новёхонькая.

А посреди саней стоит кумачовый мешок с гостинцами. В нём конфеты и пряники, чернослив с изюмом, орехи и игрушки — то-то ребятне радость великая!

Говорили ему мужики местные:

— На ветер деньги, Иван, бросаешь. Нет бы новую избу справил, а то ведь всех не прокормишь.

— Нет, други вы мои задушевные, — возражал он им, — избу справить всегда успеется, да она и так у меня куда с добром, а детство не вернёшь, оно у человека одно. Чем больше в душе детской радости запасёшь, тем потом светлей по жизни идти. А доброе дело — не лист придорожный, по ветру не улетит, среди людей останется.

Жила в Морозовице несчастная вдова, нужду беспросветную с детками несмышлёными мыкала. Ушёл муж на заработки да и пропал, как в воду канул.

Выдалась студёная зима. Вышел Иван на крыльцо своего терема, любитесь на родную деревню. За ночь-то избы выстыли, а сейчас из всех труб дым лесом стоит, сиреневые, сизые дымы курятся к небу. Только над вдовой избушкой ничего не видно. Что такое? Худые, видать, дела у вдовы.

Зашёл он в избу, а в ней, как в леднике, — пар изо рта. Дети плачут, на печи кошка мяучит.

— Что ж, Марья, печь-то не топишь? Аль нездоровится?

— Да топить-то нечем, кончились дрова, вчера последнее полено на лучину для самовара исщепала.

Поехал Иван в лес, нарубил не одну мерную сажень дров да и привёз их ко вдове.

Старался Иван всем без разбору добрые дела творить. Шёл он лесом однажды, слышит — кто-то кричит вдалеке нечеловеческим голосом. Иван прибавил шагу, выбежал на поляну — посреди неё корова. К ней два телёнка жмутся, дитяти. И тут же медведь. У коровы бок уже в крови, цапнул её лесной хозяин. Рога корова наставила, не подпускает медведя ближе, а сама ревёт от страха.

— Зачем же ты, Михал Потапыч, безобразничаешь? — сказал Иван с укоризной, взял медведя за ухо, повёл к опушке. — Нешто тебе не на ком силушку свою показать неужённую, чем на бедной корове с телятками?

Топтыгин насупился виновато, потряс башкой своей кудлатой, однако Ивану перечить не стал.

— Я больше не буду, — сказал он на опушке Ивану.

— Смотри же. Не дал слово — крепись, а дал — так держись.

Ивана в лесу все звери знали, былинку лишнюю он не примнёт, беззащитную птаху не обидит.

А то набрёл он на лисёнка, которого деревом придавило. Освободил Иван лисьего детёныша, погладил его да и пустил на волю:

— Ну, беги, пострелёнок, к мамке своей.

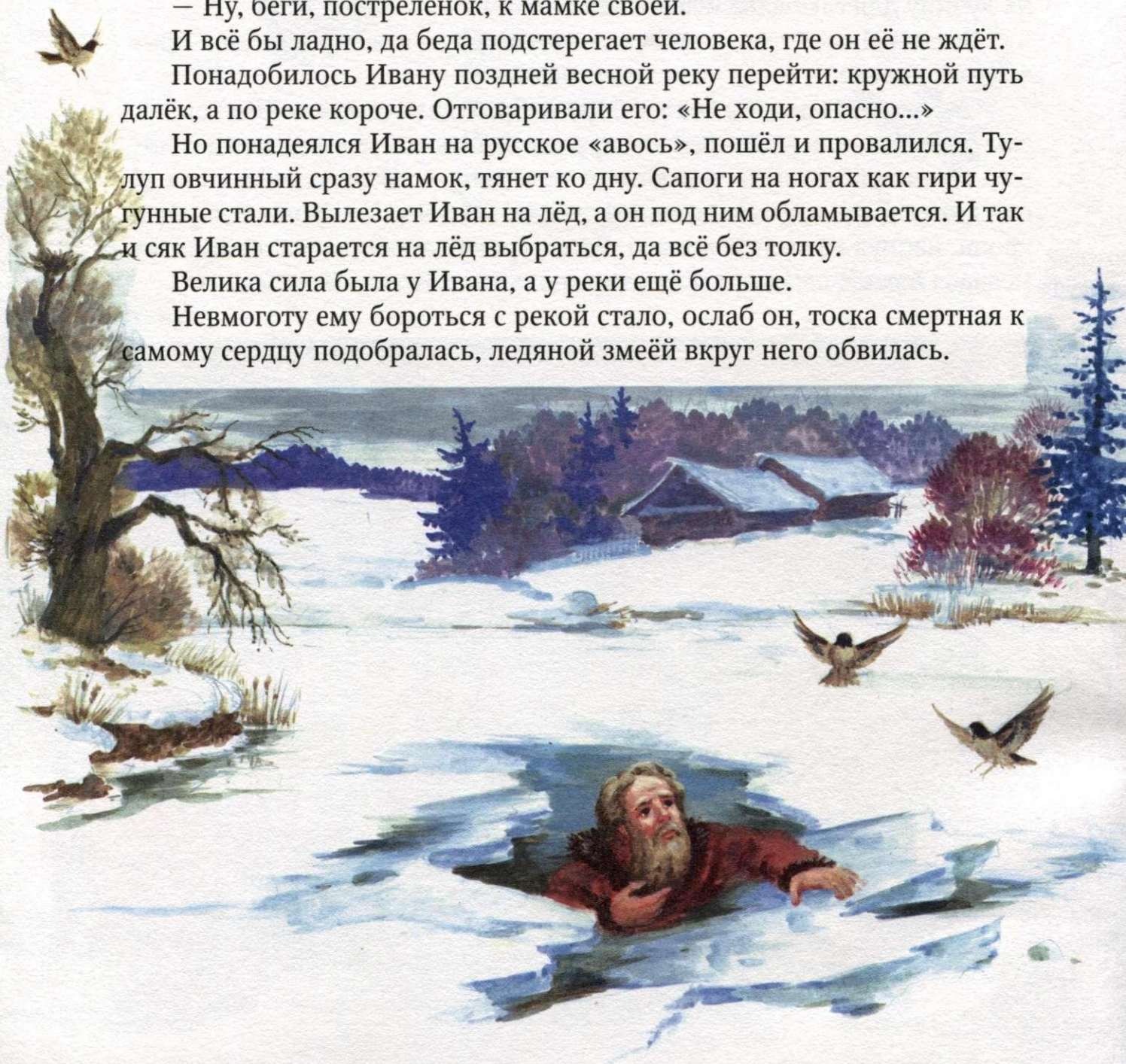
И всё бы ладно, да беда подстерегает человека, где он её не ждёт.

Понадобилось Ивану поздней весной реку перейти: кружной путь далёк, а по реке короче. Отговаривали его: «Не ходи, опасно...»

Но понадеялся Иван на русское «авось», пошёл и провалился. Туплуп овчинный сразу намок, тянет ко дну. Сапоги на ногах как гири чугунные стали. Вылезает Иван на лёд, а он под ним обламывается. И так и сяк Иван старается на лёд выбраться, да всё без толку.

Велика сила была у Ивана, а у реки ещё больше.

Невмоготу ему бороться с рекой стало, ослаб он, тоска смертная к самому сердцу подобралась, ледяной змеей вокруг него обвилась.

«Неужто гибель пришла неминуемая? — думает Иван. — Неужели стану я добычей рыб да чудищ речных? Что ж ребяташки-то без меня делать будут?»

И взмолился тогда Иван к угоднику Божиему, к которому сыздавна привыкли русские люди, в пучине водной погибавшие, взывать. Но не успел Иван отчаянную молитву окоченелыми губами прошептать, сверкнула она только в голове его, как откуда ни возмись — шагает к нему по льду на выручку старец. В зипунишке заплатанном, в треухе, мочальным пояском подпоясанный, а выступает твёрдо, смело.

«Ой, не ходи сюда, сердешный, — хотел было крикнуть Иван, — сам утопнешь напрасно, и меня не спасёшь!»

А чудесный прохожий уже рядом, шагнул на воду, будто на землю, протянул руку и вытащил Ивана из воды.

Глядит на него Иван, оторваться не может: лицо знакомое такое, родное. Где-то видел он его, а где — никак не вспомнит. Да и мудрено вспомнить, когда зуб на зуб у него не попадает.

— Услышана молитва твоя, — сказал старец. — За превеликую доброту твою к детям повелено мне спасти тебя. Невозможно, чтобы дети лишились такого радетеля за них. Дети — дар Божий. Кто любит детей,

тому сугубая благодать даётся, потому что Сам Господь детей благословил. Оставь все прежние дела свои, есть кому кроме тебя землю пахать и молотом махать. Будь мне помощником. Даю тебе послушание смотреть за детьми, чтоб никто не обижал, не огорчал их.

— Да кто же ты? — удивлённо спросил Иван своего избавителя. — Как звать-величать тебя, за кого прикажешь Бога молить?

— Вернёшься в Морозовицу, кто первый на глаза попадётся, это я и буду, — молвил на прощанье его собеседник и стал невидим.

Торопится Иван домой, от радости ног под собой не чувствует. Вбежал в избу, а из красного угла с иконы на него святитель Николай Мирликийский смотрит. Тот же взгляд — строгий, но обнадеживающий, добрый; и не в зипуне он, а в архиерейском облачении, и на голове не треух, а митра, драгоценными камнями изукрашенная.

Так вот кто был его чудесный спаситель!

Затеplit Иван свечу, упал на колени перед образом и долго молился.

Прошло много лет. Состарился Иван, отросла у него борода длинная, чуть не до колен, вся белая. Но всё он с детьми. Тому гостинец подарит, этому книжку прочтёт, третьего по головке погладит. Широко слава о нём разнеслась в Вологодских краях и далеко за их пределами. Называли его дедом из Морозовицы, а потом и Дедом Морозом звать стали.

Срубил он себе избушку под вековой елью в дремучем лесу и поселился тут. Пристрожил он всю нечисть лесную, что в буераках да

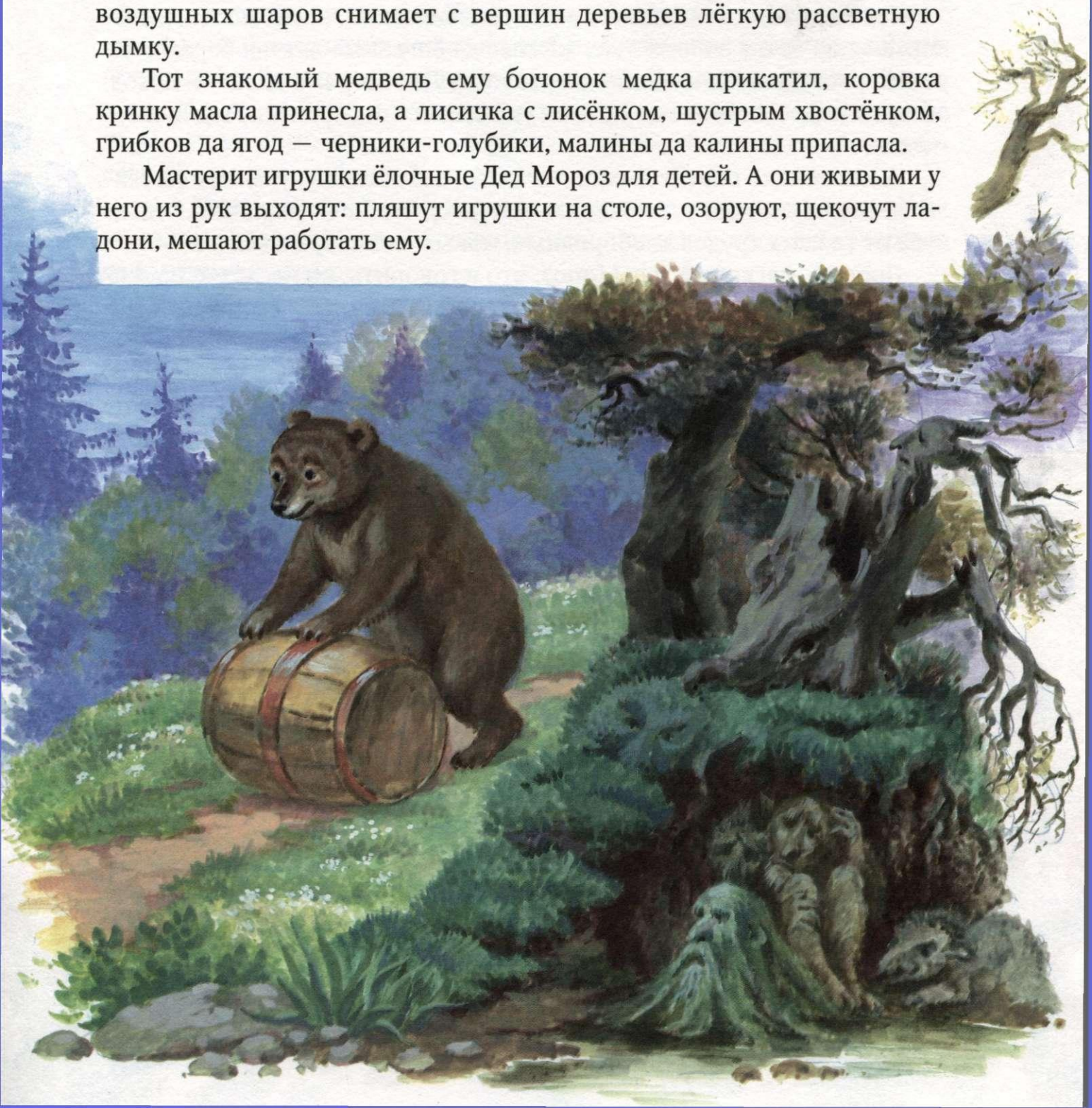

чащобах непроходимых таилась, что людей смущала да детей страшила. Бабу-ягу костяную ногу, что детей воровала, кикимор, шишиг, детосек, леших да водяных в такую глухомань упрятал, что сидят они там и нос высунуть боятся.

Хлопот у Деда Мороза полон рот. Весь год напролёт готовит он подарки детям. Собирает шишки, золотит их на утренней заре, чтобы напитались они солнечным теплом и светом, у пчёл берёт мёд для пряников печатных да ароматных. Собирает с трав сладкую росу для леденцов, у цветов берёт узоры для книжек-раскрасок, а для воздушных шаров снимает с вершин деревьев лёгкую рассветную дымку.

Тот знакомый медведь ему бочонок медка прикатил, коровка кринку масла принесла, а лисичка с лисёнком, шустрым хвостёнком, грибков да ягод — черники-голубики, малины да калины припасла.

Мастерит игрушки ёлочные Дед Мороз для детей. А они живыми у него из рук выходят: пляшут игрушки на столе, озоруют, щекочут ладони, мешают работать ему.

— Ну-ка, озорники, поберегите своё веселье для деток-малюток, — говорит им Дед Мороз, — для мальчишек-шалунишек да девчонок-егозёнок, бойких глазёнок.

А устанет он работать, выходит по лесу гулять, посмотреть, как растут деревья, бегут ручьи; наблюдает, чтобы никто не замутил их, не набросал в них сора, чтобы никто муравейники не разорял, желторотых птенцов не пугал.

Ночью сорвётся звезда, он её отыщет, от грязи очистит да покрепче на небо приколотит.

Однако самые главные его заботы начинаются, когда завьются, запорхают по ветру золотистые, жёлтые да багряные листья берёз и тополей, рябин и дубков. Осенью готовится Дед Мороз в дальний поход: обходит подростшие за год ёлочки, укладывает подарки в праздничный мешок.

А как только повеет дыханием зимы, заботливо укутывает он тёплыми снеговыми одеялами землю-матушку, чтобы поспала она, отдохнула от тяжких трудов хлебородных, новых сил набралась.

Добрый, ласковый Дед Мороз, что и говорить, но несладко приходится врагам, что являются на землю русскую с оружием в руках малых детей сиротить, жён-матерей вдовить. Встречает Дед Мороз гостей незваных стужами лютыми, метелями да снегами сыпучими. Жжёт Дед Мороз врагов стужей беспощадно, а своим ратникам мосты такие прочные на реках скуёт, что хоть войско целое по мосту пройдёт, хоть танк — боевая машина — как птица промчится.

А недели за три до Рождества, с Николы зимнего, наряжает Дед Мороз ёлочки, отправляет их к детям да приговаривает:

Ступайте, смолистые,
нарядные, душистые.
Несите детям радость
да всякую сладость.
Разные игрушки:
бубенцы, погремушки,
лисят да зайчат,
котят, медвежат.
Конфеты, пряники
да воздушные шарики.
Красивые, умные книжки:
пущай читают ребятишки.

Наладит Дед ёлочки в дорожку далёкую, прикажет нигде в пути не задерживаться, поспешать — детки-то ждут! — да и сам не замедлит собираться.

Обуется в валенки до колен, наденет тулуп, который зимой всякому люб, водрузит на голову шапку красную атласную, посох возьмёт неразлучный, чтобы по сугробам шагать сподручней — и в путь.

Спервоначалу, конечно, в родные места завернёт, в Морозовицу да в Великий Устюг, чтобы проведать, как там дела идут, а уж потом, как воевода дозором, по всей стране обход начнёт. Шествует по российским просторам, по землям Украины и Белоруссии, да и в заморских странах мало ли русских людей живёт! Во Франции и Канаде, в жаркой Австралии и Венесуэле. Так получилось, что стали и там русские люди жить. И хоть не бывает в тех странах ни снега, ни зимы, и ёлочки там не растут, но помнят люди свою родную землю, её заснеженные поля и леса. И конечно, доброго Деда Мороза.

А в Устюге Великом ему хоромы добротные справлены, прямо-таки палаты царские. Залы обширные, потолки высокие, стены узорами да картинами украшены.

Дворец дворцом, диво дивное, несказанное, в других землях, за морями-океанами, невиданное да неслыханное. И едут сюда к своему доброму Деду Морозу дети со всего света.

Усадит Дед Мороз детей вокруг себя, учит их делать добрые дела.

— А какие дела добрые? — спрашивают дети.

— Слушаться родителей, почитать стариков, прилежно учиться в школе, трудиться на совесть. Благодарить Господа, Творца нашего. Помогать друг другу. Не злиться, никому не завидовать. Что нашёл, хозяину отдай. Не бери чужого. Люби природу, ведь весь мир Господь создал нам в радость. Не ломай деревце молодое: пусть оно растёт, набирает сил, — принесёт потом пользу людям. Не пинай котёнка бездомного, не пуляй в собаку камнем, ведь и ей больно.

А дети и песню про Деда Мороза сочинили. Сойдутся у ёлки, и только слышат шаги Деда Мороза, как идёт он по лестнице, посохом своим, рождественской звездой украшенным, постукивает, станут в хоровод и запоют:

Из морозной паутинки
На окошке кружева.
Вьются чистые снежинки
В дни Христова Рождества.
Наступили дни святые,
А за ними вслед идёт
Под напевы вьюговые
Православный Новый год.
Кто одет в тулуп овчинный,
Важно посохом стучит?
Это кто шагает чинно
И на ёлку к нам спешит?
Здравствуй, здравствуй, гость желанный,
Добрый Дедушка Мороз!
Наш любимый, долгожданный,
Что подарки всем принёс.
Он послал к нам в гости ёлку,
Приголубил, приласкал,
Нежно каждую иголку
Частым гребнем расчесал.
Здравствуй, гостя дорогая,
В ярких лентах и шарах!
Раскрасавица лесная
Вся в сверкающих огнях.
Со Снегурочкою внучкой
Дед Мороз в гостях у нас.
Он на радость всем детишкам
Сам пустился в перепляс.

Услышав такую песню, разве устоишь спокойно? Ноги сами плясать просятся. Подобрал Дед Мороз полы своего снежком подбитого тулупа, да как пошёл, как ударил вприсядку! И ребяшня от него не отстаёт. Пляшет, веселится — только держись!

Смотрят на детей бабушки да дедушки, папы с мамами, и на душе у них светлей, а на сердце теплей. Вспоминают они своё детство и благодарят Деда Мороза за то, что каждый год он устраивает для детей незабываемый праздник.

